



Глава 2



Не доиграв мелодию на цине, я уставилась в окно. Мастер Хаоран, закинув на спину бамбуковую корзину, шел в лес, как делал каждый вечер всю последнюю неделю. Пронзительный свист гостя разрезал воздух и действовал мне на нервы. Серебряные ножницы в ловких руках поблескивали в вечернем свете. Интересно, а с оружием он так же умело обращается?

— Ну, так и я бы сыграла, — ворвался в мысли голос матери.

Я слабо улыбнулась и отложила цинь. Мама не обладала ни талантом, ни склонностью к музыке, поэтому Пин'эр и пришлось стать моей наставницей.

Мать села и сложила руки на столе.

— Похоже, тебе не по душе наши гости.

— Только один, — кивнула я на окно.

— Почему тебе не нравится мастер Хаоран? Он такой вежливый и предупредительный.

По правде говоря, причины для неприязни действительно не было. Скорее, какое-то смутное ощущение, словно колебание воздуха от ауры бессмертного или покалывание кожи, когда за тобой наблюдают. Как сказал Ливей, мне следовало полагаться на инстинкты... ну или хотя бы не глушить их в угоду своим предубеждениям.

На самом деле я хотела ошибиться. Не желала, чтобы под крышу дома пришла беда.

— Он какой-то напряженный. Держится настороже, будто что-то скрывает, — сбивчиво пояснила я. — Стоит мне спросить его о чем-то, как он тут же переводит тему, лишь бы не говорить о себе.

Такие уловки были мне хорошо знакомы — в конце концов, я сама несколько лет прятала свое происхождение.

— Может, ему просто неуютно с тобой. Не всем нравится говорить о себе, некоторые предпочитают слушать других. Мастер Хаоран тебя боится, — прибавила

мама. — Не замечала, как смотришь на него? Сверлишь взглядом, кривишь губы. — Она мягко коснулась моей руки. — Синъинь, знаю, тебя сильно обидели. Если подозреваешь всех вокруг, где-то да окажешься права, но все равно испытываешь разочарование. Порой, относясь к людям с недоверием, ты и сама его вызываешь. А отказываясь увидеть в них добро, можешь проглядеть нечто ценное, то, что не позволяла себе обрести.

Мама была права. Последнее время я ловила себя на том, что ищу оскал в улыбке, угрозу в хмуром взгляде. Высматриваю врага в каждой тени.

Она встала и разгладила складки одеяния. Там, где ладони коснулись ткани, кончики вышитых серебряных лотосов засветились ярче. Может, игра света? Вряд ли так проявилась мамина сила, она вообще никогда не показывалась.

— Я пришла сказать, что к нам наведалась Шусяю.

Настроение мгновенно улучшилось. Помимо Ливея чаще других меня навещала подруга, и я неизменно была ей рада.

— Где она?

— В столовой, выпрашивает у Пин'эр еду.

Я тут же направилась к ним. Пол там был вымощен серой каменной плиткой, укрытой шелковым ковром фиолетовых оттенков. В центре комнаты стоял круглый стол с изогнутыми ножками, окруженный бочкообразными табуретами. Инкрустации из переливающегося перламутра на розовом дереве изображали цветы и птиц. За столом могли свободно разместиться восемь человек, и в детстве я и подумать не могла, что настанет день, когда за ним станет тесно.

Теплый пряный аромат исходил от уже расставленной еды: густого супа с кусочками мяса и нарезанным корнем лотоса, тушеных в травах яиц, нежных побегов гороха, рыбы, обжаренной до золотистой корочки, и миски с пропаренным рисом. Угощение попроще, чем подают в Невесной империи, но не менее вкусное. Мастер Ганг занял место рядом с моей матерью, а сестры из Золотой пустыни устроились по другую сторону от нее. Мастер Хаоран

отсутствовал, как и всю прошлую неделю, хотя его кувшины с вином стояли на столе, а кубки уже были наполнены. Он привез превосходный напиток с приятными нотками сливы. И пусть я все еще сомневалась касаясь цели его визита, мастерство винодела не вызывало нареканий. Последние несколько ночей я без колебаний опорожняла свою чашку и погружалась в глубокий и безмятежный сон, хотя по утрам просыпалась с раскальвающейся от боли головой.

Наполнив две миски лotosовым супом, я направилась к Шусяо. Та улыбнулась, но взгляд ее остался серьезным.

— Что тебя тревожит? — спросила я, не тратя времени на пустые любезности, и поставила суп рядом с подругой.

— Нынче в Нефритовом дворце беспокойно, — признала Шусяо. — Новый генерал нам спуску не дает.

— Генерал У? — до сих пор язык не поворачивался произносить его новую должность.

Подруга кивнула.

— Потеснив генерала Цзяньюня, он встал во главе армии. Министр — жесткий и негибкий человек. Вынуждает соблюдать правила буквально, назначает наказания за малейшую провинность. Разговаривать с кем-то даже во время еды считается нарушением обязанностей. Теперь мы просто сидим в тишине, не смея смотреть друг на друга, будто дети под надзором самого строгого наставника.

«Разделенной армией легче управлять», — мелькнула неприятная мысль. Боялся ли Небесный император, что солдаты вновь объединятся против его воли? Поддержав меня, они не понимали, что император расценит их действия как вызов, — просто возмутились, чем же я заслужила его гнев? О моем намеренном неповиновении, умышленном обходе приказа принести жемчуг знали только мы вдвоем, правитель и я. И, вероятно, только что назначенный генерал, его самый доверенный советник.

— И это все ваши страдания? Приходится есть молча? — попыталась отшутиться я, невзирая на собственные тревожные мысли.

Шусяю сморщила нос.

— Сложновато выполнять правила, когда каждый день тебе присылают новые. Скоро нам и дворец без разрешения запретят покидать. И я не смогу к тебе приходиться.

Мне стало не по себе. Как же все изменилось с тех пор, как я покинула Небесную империю! А как я сама выдерживала бы столь безжалостные ограничения? Строгий разговор — худшее наказание, которое можно было получить от генерала Цзяньюня или Вэньчжи. Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные воспоминания.

— А если попытаешься обойти правила?

— Тебя вынудят стоять на коленях, бросят в тюрьму, выпорют. — На последнем слове ее голос дрогнул.

Я невольно стиснула миску:

— Будь осторожна.

— О, поверь, я осторожна. Никогда еще так не береглась, — с чувством ответила Шусяю. — Но, похоже, за мной постоянно приглядывают, особенно после повышения генерала У.

— Почему? — Когда она не ответила, я предположила сама: — Из-за нашей дружбы?

Шусяю опустила глаза и помешала суп ложкой.

— Они ищут угрозу там, где ее нет. Это все равно ничего не меняет: я не пойду у них на поводу.

Сердце сковали угрызения совести. Вот чего я боялась все это время — что Шусяю попадет под удар только из-за наших отношений.

— Если все так плохо и они только и ждут повода, чтобы наказать тебя, зачем там оставаться?

— Я не могу уйти. Пока служу императору, мою семью никто не тронет. У нас нет влиятельных друзей, никто не заступится, если вновь возникнут неприятности. Мой младший брат надеется вступить в армию, когда вырастет, а если я уйду со службы, то ему тоже откажут. — Взгляд Шусяю стал отстраненным. — Иногда бегство от неприятностей не помогает. Мы лишь камешки на обочине, что

легко отшвыриваются праздными прохожими, а пустые сплетни имеют слишком большой вес, если их шепчут не в те уши.

— Здесь всегда найдется место для тебя и твоей семьи, — тут же предложила я. — Подальше от глаз Небесной империи.

Впрочем, за нами все равно продолжали присматривать.

— Хотела бы я ответить согласием, — задумчиво сказала она, — но моя семья не решится переехать. Мы пустили корни на своей земле, и их не так-то легко вырвать.

Знакомая тоска охватила меня. За годы, проведенные вдали от дома, я часто чувствовала себя брошенной на произвол судьбы, сорняком, проросшим на чужой и враждебной почве. Я оглядела зал: знакомую мебель, потертый ковер, табурет, на котором сидела в детстве. Бесчисленные воспоминания наполняли это место, и каждое из них драгоценно и незаменимо. Но важнее всего были люди, что жили в этих стенах. Кровные родственники или просто друзья, они вдыхали жизнь в наш дом. И это дороже любой плитки или кирпича, будь то золото, серебро или нефрит.

В воздухе раздались певучие звуки флейты. Мастер Ганг играл, и кисточка на его инструменте раскачивалась в такт каждому вдоху. Разговоры в комнате стихли, все повернулось к нему. Он обладал исключительным мастерством, его мелодия лилась чисто и свободно.

— Спасибо, мастер Ганг. Ваша музыка — настоящий подарок, — поблагодарила мама, когда стихла последняя нота.

— Вы очень добры, Богиня Луны.

— Вы часто играете для своей семьи? — спросила она.

— Для жены — да. Она любила музыку. — Он улыбнулся и повернулся ко мне: — Я слышал, что ваша дочь — искусный музыкант. Когда нам выпадет удовольствие послушать песню в ее исполнении? Я был бы рад поделиться с вами некоторыми из своих композиций.

— Благодарю, мастер Ганг, но мне будет трудно соперничать с вашим выступлением. — Я отказалась не из скромности,

а потому что предпочитала играть для тех зрителей, кого выбрала сама.

Когда воцарилась неловкая тишина, Шусяю спросила:

— Мастер Ганг, вы нашли здесь вдохновение для своей музыки?

Он энергично закивал.

— Ах, лейтенант, это место и вправду чудесное: ветер шелестит листьями, дождь стучит по крыше, даже земля под ногами какая-то по-особенному мягкая. Я хотел бы остаться еще, если хозяйка разрешит.

— Оставайтесь сколько пожелаете, — ответила моя мать с безупречной вежливостью, хотя я уловила заминку. Возможно, она тоже скучала по тишине и уединению.

После еды я вместе с Шусяю вышла на улицу. Завеса ночи закрыла небо, хотя фонари еще не зажгли.

Когда подруга ступила на свое облако, я коснулась ее руки.

— Держись начеку. Не делай того, чего не должно.

— И часто ты сама следовала правилам? — она глухо рассмеялась и покачала головой: — Не волнуйся, ко мне не придраться. Теперь я — образец послушания.

Я передала ей обернутый шелком сверток.

— Цветы османтуса для Миньби. — Когда я училась с Ливеем, служанка готовила нам еду и стала моим другом.

Шусяю сунула его под мышку.

— Ваши деревья скоро опустеют, если каждый винодел и повар будут стучать к вам в дверь. Откуда они вообще знают о цветах?

Я не ответила, подняв руку на прощание, и ее облако унеслось прочь. С ней все будет хорошо, заверила я себя, направляясь в комнату. Шусяю пронизательна, у нее много друзей во дворце, и за ней присматривает принц. Хотя, уже лежа в постели, перед самым сном, я невольно вспомнила ее вопрос: и правда, откуда мастер Хаоран узнал о нашем османтусе? Большинство гостей не утруждали себя прогулкой по лесу, и я не предлагала им его показать.

Тук. Тук. Тук. Серебристый звон, будто от ветряного колокольчика. Затем снова стук, ритмичный, но какой-то приглушенный, будто издалека.

Я открыла глаза и заморгала в темноте. Судя по тишине, сейчас либо глубокая ночь, либо самое раннее утро. Может, мне почудилось? Может, стоило выпить вина мастера Хаорана, тогда спала бы до утра без тревог?

Тук. Тук. Тук.

Я рывком села в постели, прислушиваясь. Нет, не показалось, будто кто-то действительно стучал чем-то твердым. И что это за звон следовал за настойчивой дробью? Отбросив одеяло, я подошла к открытому окну, вдыхая прохладный воздух с легкой сладостью. Небо было темным, землю заливал лунный свет. Вдалеке возвышался лавр, его ветви качались, словно под натиском ветра, но деревья османтуса стояли неподвижно.

Страх пронзил меня, холодный и жесткий. Дрожащими пальцами я накинула халат поверх нижней одежды и завязала пояс. Сунула ноги в туфли, схватила лук и вылезла в окно. Мой взгляд был прикован к трепещущему лавру, ноги летели по земле, спотыкаясь, едва не падая. Снова раздались эти странные стуки, от которых дерево содрогнулось в агонии. Прямо перед поляной я остановилась, сжав лук сильнее.

Рядом с лавром спиной ко мне стоял мужчина. Аура, исходившая от него, была густой и непрозрачной, точно застывший жир. В этом было что-то странное, знакомое, мои чувства предостерегающе всколыхнулись. Вспышка привлекла мое внимание: лунный свет сверкнул на серебряном изгибе лезвия, зеленая кисточка свисала с бамбуковой рукоятки. Топор устремился вниз, вонзился в лавр, металл расколол кору. Что-то темное стекало с ладони дровосека на дерево — кровь? Он поранился? Но затем дерево сильно вздрогнуло, бледные листья зашелестели, и семя упало на землю, сверкая, точно звезда.

Я вытащила пылающую стрелу и вышла из тени, мое сердце бешено колотилось. Когда человек развернулся, я резко выдохнула и быстро направила стрелу ему в голову.

Мастер Ганг.

Куда только подевались его кротость и сутулость — карие глаза блестели, как у хищного ястреба. Искусная маскировка, гневно подумала я, ведь он вдобавок скрывал свою мощную ауру. И как только я обманулась этим простым заклинанием, тем же самым, которое мы с Ливеем использовали, чтобы ускользнуть из Нефритового дворца. Почувствуй я обман раньше, пригрозила бы лживому гостю мечом, вместо того чтобы предлагать чай. Мои подозрения в отношении мастера Хаорана отвлекли меня от истинной угрозы. Я проклинала себя за то, что поверила в слабость мастера Ганга, решила, будто он не представляет угрозы, хотя уже должна была запомнить: не всё есть то, чем кажется.

— Ты пришла обменяться сочинениями? — с издевкой поинтересовался он, припоминая свое недавнее предложение.

— Меня не интересует твоя музыка, — ответила я, не сводя глаз с его топора.

Вдоль тонкой ручки виднелись маленькие круглые отверстия — то была его флейта. Я вздрогнула. Все внутри сжалось от мысли, что он пронес оружие в наш дом; пальцы зудели от желания выпустить стрелу, но сначала я хотела получить интересующие меня ответы.

— Не двигайся, не обращай к своей магии. Скажи мне, кто ты и зачем пришел сюда.

— С какой стати? — Он явно забавлялся, даже когда обратил внимание на мою стрелу. — Ты не имеешь права ни о чем меня спрашивать. То, что мне нужно, тебе не принадлежит. — Одна из его рук ненадолго разжалась, обнажая толстые шрамы, тянущиеся по всей ладони. Темные гребни вспоротой кожи блестели от крови.

На секунду я отвлеклась, а когда повернулась к нему, было уже слишком поздно — он ринулся ко мне, замахнувшись

топором. Я развернулась, выпустив стрелу. Ганг нырнул назад, и древко просвистело над ним. Когда его топор снова мелькнул передо мной, я метнулась прочь, чтобы оказаться вне досягаемости. Лезвие срезало выбившуюся прядь моих волос, разбросав их, точно скошенную траву. Опоздай я на секунду, и меня могли бы разрубить на части.

Дрожь пробежала по моему позвоночнику, тетива впиалась в пальцы. Я вытащила еще одну стрелу и тут же выпустила ее. Молния зашипела и, прожигая путь в воздухе, устремилась к врагу. Что-то мерцало на его теле — щит — как раз в тот момент, когда стрела попала в цель. Прожилки белого света затрещали по барьеру. Тот раскололся, но энергия Ганга вырвалась наружу и залатала щели. Он метнул в меня свой топор, и тот полетел, кружась в воздухе серебристым пятном. Я упала на землю, прижавшись щекой и ладонями к рыхлой почве. Топор просвистел мимо, врезавшись в ствол османтуса, и лепестки дождем посыпались вниз. Я откатилась и вскочила на ноги, а оружие дернулось, высвободилось и нырнуло обратно в ладонь мастера Ганга. Свет зловещей вспышкой вырвался из его руки. Между моими пальцами образовалась еще одна стрела и понеслась к нему, но он ловко увернулся, и молния исчезла в ночи.

— Сколько раз ты еще сможешь ее призвать? — почти буднично спросил Ганг.

— Столько, сколько потребуется, чтобы убить тебя.

Пот выступил на моей коже. Я вновь обратилась к своей энергии. Ганг опять замахнулся, но на сей раз я не стала бегать. Магия вырвалась из моих ладоней сверкающими завитками воздуха, быстро связывая врага. Одно движение — и его швырнуло на землю, он ударился затылком о камень. Стон вырвался из горла мастера Ганга, его веки закрылись, а топор выпал из рук. Я осторожно подошла, держа стрелу на изготовку. Он казался слишком сильным, чтобы его можно было так легко победить, и я однажды попадалась на удочку его притворства...

Вдруг кто-то ахнул.

— Мастер Ганг! Вы ранены? — закричала Пин'эр у меня за спиной, бросаясь к его неподвижному телу.

— Пин'эр, стой!

Я хотела преградить ей путь, но опоздала. Глаза мастера Ганга распахнулись. Он вскочил, схватив служанку за руку. Топор вернулся в его ладонь, и алгец приставил чудовищное лезвие к шее бедняжки.

— Что вы делаете? — Пин'эр попыталась вырваться, но он усилил хватку, и острое порезало ее кожу. Служанка тут же замерла, ее грудь вздымалась.

— Отпусти ее. — Я глубоко вздохнула, подавляя лишние эмоции.

— Брось свой лук и отойди назад, — велел он. — Дай мне уйти — и никто не пострадает.

— С чего мне верить, что ты не убьешь нас? — спросила я.

— Даю тебе слово. — Ганг говорил так, будто его обещание чего-то стоило и он не пробрался в наш дом путем обмана.

Пока я колебалась, его оружие вонзилось в плоть Пин'эр, темная струйка крови потекла по светлому одеянию. Сдавленный звук вырвался из ее горла, хотя она оставалась неподвижной.

— Причинишь ей боль еще раз — и сильно пожалеешь об этом, — сказала я самым грозным тоном. — Мне не нужно оружие, чтобы поквитаться с тобой.

Его губы приоткрылись, зубы сверкнули.

— Конечно. Я бы не осмелился сразиться с таким прославленным воином, — насмешливо заверил Ганг.

Я подавила свой гнев и уронила лук на землю. Ганг тут же толкнул Пин'эр ко мне и бросился прочь. Когда я поймала ее, облако уже унесло его на небо.

Я бы бросилась в погоню, но Пин'эр всхлинула, схватившись за шею. Ее ладонь стала мокрой от крови. Мне стало не по себе, я присела рядом, сжав ледяные руки

служанки. Затем высвободила свою энергию, чтобы залечить ее рану, и разорванная плоть сомкнулась, от шрама осталась лишь тонкая белая полоска. Небрежная работа, но рядом не было никого, кто мог бы сделать лучше.

Пин'эр застонала, потирая виски.

— Син'бинь, что случилось? Почему... почему мастер Ганг так поступил?

Я нахмурилась.

— Не знаю. Он лжец и вор.

Когда она приподнялась, из складок ее желтого платья что-то выпало — продолговатая жемчужина, свисавшая с тонкой золотой цепочки. Камень сиял внутренним огнем, почти как жемчуг драконов, но без их огромной силы. Пин'эр всегда его носила? Неужели украшение все это время скрывалось под ее одеждой?

— Пин'эр, что это? — Я провела пальцем по блестящей поверхности жемчужины, теплой на ощупь.

Ее лицо погрузнело.

— Она образовалась в тот день, когда я покинула свой дом. У бессмертных Южного моря только слезы, вытекающие в момент самых глубоких эмоций, превращаются в жемчуг.

— Скучаешь по своей семье?

Пустой вопрос, глупый. Конечно, скучала, хотя Пин'эр никогда не возвращалась домой, ни разу за все эти десятилетия.

В ее глазах вспыхнул огонек, но быстро угас. Я отвернулась, давая ей возможность прийти в себя. Среди травинок что-то блеснуло — лавровое семя. Я подняла его, покатала между пальцами. Прохладная твердая поверхность была мне знакома, но впервые я держала его не на ветке. Импульс энергии пронзил мою кожу. Зачем оно понадобилось мастеру Гангу? Почему он зашел так далеко? Мой взгляд метнулся к лавру, ствол которого был испещрен глубокими бороздами, как будто его подрал какой-то зверь, и вымазан темной жидкостью. То была кровь? Ганг поранился, пока терзал дерево?

Воздух наполнился характерным ароматом, блестящий золотой сок вытек из щелей и разлился по коре. Края расщепленного дерева удлиннились, сплетаясь вместе, пока снова не слились воедино. Мой взгляд скользнул вверх, к семенам лавра, которые выглядывали из-под листьев и блестели, точно серебристый иней. Я всегда считала их красивыми, чем-то драгоценным и редким. И все же холод окутал меня, когда я задалась вопросом, какие секреты они скрывают в своих мерцающих глубинах.



Глава 3



В вечернем свете лавр сверкал точно ледяной столб. Я провела пальцами по гладкой, как мрамор, коре — нетронутая, словно и не была изуродована топором, будто все это мне привиделось.

— Здесь ты проводишь все свое время? — спросил Ливей, подходя.

Я поморщилась.

— Здесь я провела прошлую ночь, хотя не собиралась.

Я тут же поведала ему о нападении мастера Ганга.

Лицо принца потемнело.

— Он причинил тебе боль?

Я покачала головой, протягивая ему семя: размером меньше ногтя моего большого пальца, непрозрачное, с чем-то клубящимся внутри, как облачко.

— Оно упало с лавра. В нем есть какая-то магия, которую я не могу определить.

Ливей взял его и внимательно рассмотрел.

— Холодное. Энергия сильная, но незнакомая. Давай проверим.

Он поднял свободную ладонь, и семя взлетело в воздух. Багровое пламя с треском охватило его, высоко взметнулось, а затем резко угасло. Обугленное семя теперь походило



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

